

УДК 392.3

С.А. Угдыжеков

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЮЖНОСИБИРСКИХ ТЮРКОВ

*Рассматривается сеок – социальный термин. В значении «группа кровных родственников» он встречается только у тюркских народов Южной Сибири. Письменные источники домонгольской эпохи не подтверждают наличия «родо-племенных отношений» у народов древнетюркского круга. Автор объясняет это заимствованием элементов административной системы монгольских государств. У монголов аналогичный термин *yasun* нес такую же семантическую нагрузку. Сеок не может быть отнесен к родо-племенной структуре, так же как распространенные на коренное население русские административные термины «род» и «племя». Такой взгляд на социальную организацию искусственно ее «архаизирует».*

Ключевые слова: Южная Сибирь, тюрки, монголы, родство, социальная организация.

Востоковед Н.Ф. Катанов, сотрудничавший с музеем, который отметил свое 130-летие, еще в XIX в. обратил внимание на «искусственность» административного устройства коренного населения Хакасско-Минусинской котловины [1. С. 4]. Так, в 1892 г. он писал из Минусинска: «Качинцы... сагайцы и карагасы именуют себя по родам, изобретенным русскими, только в официальных делах и бумагах, обычно же друг друга зовут по именам колен и народов, из которых произошли» [2. С. 112].

Отметившая это обстоятельство Л.И. Шерстова пишет: «Словом, существовали одновременно две параллельные «родовые» организации аборигенов разного предназначения: внешние (в том числе, государственно-податные) связи осуществлялись в основном через “административные роды”, а все внутренние отношения строились на базе, которую можно назвать “этнородовой”, так как большинство “вторичных родов” суть не что иное, как бывшие этносы или их осколки. Сами аборигены, особенно тюрки Хакасско-Минусинской котловины, ясно различали эти две системы, которые в процессе функционирования не подменяли, а дополняли одна другую» [3. С. 169].

Так, например, в хакасском языке свое развитие получили русские административные термины «род» и «фамилия», имевшие в основном фискальное значение в прошлом. Однако в современности они хакасами оформляются в традиционные элементы социальной организации. Им стали присущи экзогамные запреты, «родовые» праздники, собрания и выборы, институт взаимопомощи и др. Таким образом, традиция социальной организации продолжается в новых условиях, оставаясь связанной с древнейшими представлениями об особом характере связи между людьми, основанной на «субстанции», доставшейся от предков. Аналогичные наблюдения

можно отнести и к периоду, предшествующему российскому администрированию.

Известно, что у тюрков Южной Сибири при описании элементов социальной структуры используются различные соматизмы. В качестве наиболее распространенного выступает *сеок*. Например, в хакасском языке слово *сёок* определяется в основном двумя значениями: «1. I) кость» и «II *ист.* сеок (группа людей, связанных кровным родством); род; племя» [4. С. 505]. В соответствии с хакасской традицией экзогамии внутри одного сеока браки не разрешались (*nir sёok kizi alyspachaң*), и родство по сеоку нужно было знать до девяти колен (*сёоктең посты туганын тогыс уйаа читіре пілерге кирек*). Свойство по браку также учитывало эту социальную категорию – существовал обычай «возвращение сеока» (*сёок нандырарга*), т.е. рекомендация брать в жёны девушек из тех сеоков, за представителей которых выходила родственница [5. С. 43].

В значении «род» данная основа встречается в алтайских, хакасском и шорском языках и диалектах. Установлено также значение «поколение» в алтайских, сарыг-югурском, хакасском и тувинском языках. В последнем оно также может означать «племя», «национальность». В киргизском языке встречено в значении «свойственник, родственник по браку» [6. С. 384]. В форме *сёк* слово заимствовано у тюрков народов Южной Сибири в русские сибирские диалекты [7. С. 490].

Интересна семантика тувинского *си:к*, в котором второе – «социальное» – значение термина раскрыто с наибольшей полнотой: «кость; род, племя; национальность; порода, качество; труп, прах, останки». Привлекает внимание и парное сочетание тюркской и монгольской основ с собирательным значением *си:к-дайаб* «кости» и *си:к-йазы* (или *йазы-си:к*) «раса», где *йазы* восходит к

монгольскому *yasun* «кость» [6. С. 384], что полностью соответствует значениям монгольского *яс(ан)* «кость, скелет; косточка; остов, каркас; качество, род, национальность».

В первом значении данное слово соответствует историческому монгольскому *yasun* «кость, скелет». В то же время этот древний термин, по крайней мере, с периода складывания монгольской государственности служил для обозначения патрилинейного родства (антонимом выступало слово *miq-a/mah* «мясо» в смысле «родство по материнской линии»), и с такими коннотациями сохранился у монголоязычных народов вплоть до наших дней [8. Р. 53, 55]. В.Л. Котвич полагал, что термин *yasun* обозначал группу, типологически близкую монгольскому *oboq~oboγ* «клан», с той разницей, что последний представлял собой более аморфную структуру, нежели «кость» [9. Р. 161]. В свою очередь, Г. Дёрфер определил место *yasun* в социальной структуре как общность людей, связанных происхождением от одного мифического предка, которое, в отличие от *oboq*, не включало в себя зависимые группы чужеродцев [10. Bd. 1. S. 553; Bd. 2. S. 49–50]. Таким образом, взгляды В.Л. Котвича и Г. Дёрфера на *yasun* сближаются. Наконец, Л. Крэйдер довольно расплывчато именует *yasun* «патрилинейной корпоративной десцендентной группой» [11. Р. 87].

Рассмотревший эти точки зрения П.А. Рыкин считает, что исследователи неверно пытались трактовать *yasun* как один из сегментов социальной организации: «*Yasun* – общность не институциональная, а концептуальная, нечто вроде «линии счёта родства» (*descent line*) зарубежной антропологии, функция которой заключалась в том, что она выражала определённый принцип классификации людей путём указания на характер их связи с предполагаемым общим предком. Этот принцип способствовал формированию довольно острого чувства групповой социальной солидарности, аналогичного по силе родственному чувству» [12]. По всей вероятности, эту точку зрения следует считать наиболее обоснованной, так как у современных монголов, помимо *ясун-торол* (родства по кости, т.е. по отцовской линии), выделяется и *чисун-торол* (родство по крови, т.е. по матери) [13. С. 60].

Приведенные воззрения на монгольский исторический термин *yasun* позволяют говорить о тождестве представлений об этом элементе социальной организации у тюрков Южной Сибири, обозначаемом ими как *сеок*. При этом необходимо отметить, что в древнетюркский период не зафиксирован термин *сеок* в значении «группа кровных

родственников» (ср. у алтайцев «*Сёок как родовая форма деления... имеет свои традиции. Сёок, прежде всего, есть кровное родство... Лица одного сеока называют друг друга по-родственному дядя, сестры, братья и т.д. Свой сёок для алтайцев составляет гордость*») [14]. Полученные данные генетического исследования хакасских и телеутских сеоков позволяют интерпретировать сеоки как группы индивидов, объединённые родством по мужской линии [15. С. 403–405]. Данное понятие распространилось в «монгольскую» эпоху лишь в языковом ареале южносибирских тюрков. По поводу хакасских сеоков Л.П. Потапов довольно категорично замечал: «Наименования этих сеоков отражают более широкие общности населения, чем род (например, Кыргыз, Туба, Ара, Ойрат и др.), и не могут быть признаны за кровнородственный род, так как представляют собой остатки племён или даже союзов племён. Эти деления на сеоки почти не имели реального значения в жизни... Даже в области культа, этого наиболее отсталого и консервативного элемента культуры, мы с трудом находим материал, говорящий о родовом характере культа. Только сеок Пюрют имел изображение духа покровителя, характерное для членов этого сеока, состоящее из головы убитого зайца... Качинские сеоки представляли собой роды только по форме. В них можно видеть лишь сохранение традиции (характерной для первобытно-общинного строя), отражающей в прошлом родоплеменное устройство этнических групп, вошедших в состав качинцев» [16. С. 246–247].

У других современных тюркоязычных этносов термин в подобном значении отсутствует, хотя способен иллюстрировать некоторые социальные категории (киргизы, казахи). Но тюрки Южной Сибири находились под действием правовых систем государственных и социально-потестарных организаций монгольских (алтын-хановских, ойратских) государств, поэтому восприняли и сопутствующую терминологию. В Туве, где власть монголоязычных правителей имела существенно более значимые формы, чем к северу от Саянских гор, в местном языке сформировано, соответственно, больше параллельных значений *сеока* и *yasun*, созданы даже парные наименования.

Итак, накопленные материалы этнографического и историко-юридического характера позволяют говорить о *сеоках* южносибирских тюрков как о социальном институте, сформированном под воздействием монгольского законодательства в XIII–XVIII вв.

Если продолжить ретроспективный анализ домонгольского периода, то предварительный вывод

может быть также в пользу мнения об отсутствии у народов древнетюркского круга социальной организации, основанной на «родовых» или «племенных» отношениях. Доступные источники по мировоззрению древних тюрков, кыргызов, уйгуров и кипчаков не свидетельствуют о засилье «родовой идеологии». Термины, обозначающие надсемейные социальные структуры, чрезвычайно расплывчаты и неопределенны.

Не случайно с этим обстоятельством контрастируют памятники древнетюркской письменности, наиболее богатые социальной лексикой родства и свойства. Важнейшие связи индивидов сосредоточены именно в области категорий родственных отношений, а не «родо-племенного» взаимодействия. Именно системы родства тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья устанавливали взаимоотношения личности и неопределенно широкого круга людей, помещали отдельного индивида в своеобразный «космос родства и брака». Социальный статус, круг обязанностей, материальные условия жизни были опосредованы его местом в структуре родства.

Очевидно, что концепция кровнородственного рода не подходит для анализа социальной организации тюрков Южной Сибири. Это приводит к «архаизированию» представлений исследователей об общностях, которые уже длительный исторический период были знакомы с более сложными типами общественного устройства [3]. Универсализм принципов родства позволял применять его в других видах общественного структурирования. Категории родственных отношений были своеобразной матрицей, на которую накладывались и государственные, политические институты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1897. Т. 64, кн. III.
2. Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII (приложение).
3. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.
4. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
5. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX вв. 2-е изд., доп. и исправ. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2002. 212 с.
6. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003.
7. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.: Новосибирск: Наука, 2000.
8. Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague: Mouton, 1963.
9. Kotwicz W. Contribution à l'histoire de l'Asie Centrale // Rocznik Orientalistyczny. 1948. Т. 15.
10. Dærfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischen Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Steiner, 1963–1975. Bd. 1. Bd. 2.
11. Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1968.
12. Рыкин П.О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // Mongolica-VI: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
13. Викторова Л.Л. Система социализации детей и подростков у монголов // Этнография детства. М., 1983.
14. Тадина Н.А. Три линии родства и авункулат у алтайцев // Алгебра родства. СПб., 2005. Вып. 9.
15. Волков В.Г., Харьков В.Н., Штыгашева О.В., Степанов В.А. Генетическое исследование хакасских и телеутских сеоков. сравнительная характеристика по данным маркеров Y-хромосомы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. (Томск, 19–21 мая 2010 г.) / отв. ред. М.П. Черная. Томск: Аграф-Пресс, 2010.
16. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1957. 308 с.